

ГЛАВА 1

Школа Дэллоуэй, окаймленная с востока спокойным, как зеркало, озером, возвышается над предгорьями, как корона на темноволосой голове. Добраться до ее облицованных кирпичом зданий, отвернутых от ворот, с наглухо закрытыми ставнями окон, можно по единственной дороге из гравия. Моя мать на переднем сиденье молчит; мы не разговариваем с тех пор, как проехали Нью-Палц и она отметила, насколько ровная земля у самого подножья гор.

Это было час назад. Наверное, я должна была обрадоваться, что она вообще приехала. Но, честно говоря, я предпочитаю взаимное безразличие, установившееся между мной и наемным водителем, который встречал меня в аэропорту все прошлые годы. У водителя были свои проблемы, и они меня совершенно не касались.

Чего не скажешь о моей матери.

Мы останавливаемся перед Сибил-холлом и вручаем ключи камердинеру, который позаботится о багаже. Есть минус в том, чтобы приезжать в школу на четыре дня раньше: нам приходится приветствовать нашего декана

в ее кабинете, а затем вместе тащиться по кампусу. Мать и декан беседуют в шести шагах передо мной, а я плетусь следом. Озеро между холмами сверкает, как серебряная монета. Я не отрываю взгляда от запястья декана — от бронзового ключа, который болтается на веревочке: ключа от Годвин-хаус.

Годвин-хаус отгорожен от остальных зданий рощицей канадской пихты и крутой тропой, ведущей наверх. Дом был выстроен триста лет тому назад на месте древнего оползня, поэтому, когда грунт просел, здание, стоящее на небольшом гребне, встало наперекосьяк. Внутри полы заметно наклонены вдоль оси восток — запад, под дверями зияют щели, а кухонный стол шатается при каждом прикосновении. С того момента, как я приехала в Дэллоуэй пять лет тому назад, было по крайней мере две попытки подогнать плотнее окна и двери или основательно перестроить дом, но мы, живущие здесь, так громко протестовали, что школа оставила оба эти намерения. Да и как не сопротивляться? Годвин-хаус принадлежит нам, литературным неженкам Дэллоуэя, самонадеянным наследницам Эмили Дикинсон*, — которая однажды, навещая подругу в Вудстоке, останавливалась здесь, — и он нравится нам таким, какой есть. Включая его скрюченный остов.

— Сейчас ты можешь поесть в столовой факультета, — сообщила декан Мариотт, как только я разместилась в своей комнате. Я и прежде жила здесь. То же самое пятно

* Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса. При жизни опубликовала менее десяти стихотворений из тысячи восьмисот, написанных ею. *Здесь и далее примечания редактора.*

от воды на потолке, те же пожелтевшие занавески, которые шевелил ветерок из открытого окна.

Интересно, они держали ее пустой для меня или же моя мать запугала руководство школы, заставив их выгнать из комнаты другую девушку, когда вернусь я?

— Мисс МакДональд уже должна была вернуться, — продолжила декан. — В этом году она снова будет домоправительницей Годвина. Зайди сегодня днем в ее кабинет, пусть она знает, что ты приехала.

Декан также дала мне свой личный номер. Скорее всего, подстраховалась: вдруг у меня случится нервный срыв в кампусе? Вдруг под теннисной и сшитой на заказ юбкой скрывается та, кто после первой же проведенной в одиночестве ночи сорвет с себя одежду и, обнаженная, помчится сквозь леса, как обезумевшая менада*?

Лучше перестраховаться.

Я беру номер и засовываю в карман юбки. Я сжимаю его в кулаке, пока бумага не превращается в чернильный комок.

Как только декан уходит, мать внимательно осматривает комнату, ее холодный пристальный взгляд скользит по потрепанному ковру и комоду красного дерева с обшарпанными углами. Представляю, как она гадает, куда деваются те шестьдесят тысяч, которые она каждый год платит за мое обучение.

— Может быть, — говорит она после долгого молчания, — мне на ночь остаться в городе, помочь тебе устроиться...

Это звучит фальшиво, поэтому, когда я отрицательно качаю головой, она явно успокаивается. Уже сегодня она

* Менады (*др.-греч.* Μαινάδες — «безумствующие», «неистовствующие») — в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы бога виноделия Диониса.

может улететь к себе в Аспен и вечером пить каберне в своей студии.

— Тогда ладно. Ладно. Хорошо. — Она уступает моему желанию, ее перламутровые розовые ногти впиваются в скрещенные руки. — У тебя есть номер декана.

— Да.

— Да. Надеюсь, что он тебе не понадобится.

Она обнимает меня, я прячу лицо в изгибе ее шеи, пропахшей духами «Аква ди Парма» и самолетом.

Я слежу, как она спускается по тропинке, пока не скрывается за соснами на повороте, — просто чтобы убедиться, что она действительно ушла. Потом я затаскиваю чемоданы на кровать и начинаю разбирать вещи.

Я развешиваю платья в стенном шкафу по цвету и виду ткани — белая марлевка, прохладный шелк цвета теплого молока — и притворяюсь, что не помню то место, где в прошлом году оторвала плинтус от стены и спрятала что-то вроде контрабанды: карты таро, длинные конические свечи, травы, упакованные в пустые жестянки из-под мятных таблеток. Я обычно аккуратно раскладывала их в ряд на комод, как другая девушка разложила бы косметику.

В этот раз я выкладываю на комод драгоценности. Я поднимаю глаза и ловлю свое отражение в зеркале: светлые волосы стянуты лентой на затылке, губы покрыты безупречно нейтральной помадой.

Я стираю ее ладонью. В конце концов, производить впечатление не на кого.

Несмотря на то что меня больше ничто не отвлекает, разбор чемоданов занимает около трех часов. После я закидываю пустые чемоданы под кровать и, обернувшись посмотреть, что получилось, осознаю, что все это время ни

о чем не думала. Сейчас все еще начало дня, озеро в отдалении теперь сверкает золотом, и я не знаю, что делать дальше.

К середине моей первой попытки обучения в выпускном классе я накопила в своей комнате в Годвине столько книг, что они вываливались с полок, громоздились на полу и на углу комода, валялись в изножье кровати, и я спихивала их во время сна. Их все пришлось вывезти, когда я не вернулась на весенний семестр в прошлом году. Те несколько книг, что мне удалось впихнуть в чемоданы в этот раз, совсем другое дело: все поместились на одной полке, даже оставив рядом с собой место, поэтому две последние книги уныло склонились к деревянной стенке.

Я решаю спуститься в комнату отдыха. Там лучше всего читается; мы с Алекс обычно растягивались на персидском ковре среди башен из книг — с чашками чая и джазом, играющим у Алекса в наушниках.

Алекс.

Память пронзает меня как брошенный дротик. Это так неожиданно, что у меня перехватывает дыхание и начинает кружиться голова, я стою в проеме своей двери, пока дом вращается вокруг меня.

Я знала, что возвращение сюда может ухудшить мое состояние. Доктор Ортега объяснила это мне перед отъездом, ее голос был спокойным и ободряющим. Она говорила, что горе проявляется в мелочах: что я буду жить обычной жизнью, но однажды случайно услышанный музыкальный мотив или обрывок девичьего смеха напомнит мне о ней — и меня вновь накроет с головой.

Я понимаю, как действует чувственная память. Но понимание не означает готовность.

Поэтому мне хочется только одного: выскочить из Годвин-хаус и побежать вниз по склону, во двор, где яркий солнечный свет прогонит любых призраков.

Вот только это слабость, а я отказываюсь быть слабой.

«Это то, зачем я здесь, — говорю я себе. — Я приехала раньше, поэтому у меня будет время упорядочить мою жизнь. Ну, что ж. Буду упорядочивать».

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя выйти в коридор, а затем спуститься на два пролета до первого этажа. В шкафу на кухне я нахожу чай — наверное, остался с прошлого года, — кипячу воду и, пока он заваривается, несую кружку в комнату отдыха.

Комната отдыха — это самое большое помещение в доме. Она тянется вдоль всей западной стены, ее огромные окна выходят на лес, и поэтому здесь темно даже в полдень. С потолка, как портьеры, свисают тени, но я зажигаю несколько ламп — и янтарный свет освещает темные углы.

Здесь нет призраков.

Годвин-хаус был построен в начале восемнадцатого века, это первое сооружение школы Дэллоуэй. За десять лет с момента открытия школа увидела пять жестоких смертей. Я и сейчас иногда ощущаю в воздухе запах крови, словно жуткая история Годвин-хаус похоронена в его неровном фундаменте рядом с костями Марджери Лемонт.

Я сажусь в кресло у окна: мое любимое, мягкое, бордового цвета, с подушкой для сиденья, которая опускается подо мной так, словно кресло хочет поглотить своего захватчика. Я устраиваюсь поудобнее с детективом Гарриет Вейн и с головой погружаюсь в Оксфорд 1930-х годов, в запутанную сеть убийственных записок, изысканных

обедов и угроз в перерывах между пирожными и сигаретами.

Сейчас дом кажется совсем другим. Год назад, в середине семестра, коридоры гудели от громких девичьих голосов и стука каблучков по деревянному полу, повсюду были расставлены чашки, на бархатной обивке виднелись прилипшие длинные волоски. Время поглотило все это. Мои подруги в прошлом году окончили школу. Когда начнутся занятия, Годвин будет домом для совсем других учениц: студенток третьего и четвертого курсов с блестящими глазами и душами, навеки отданными литературе. Девушки, которым, возможно, Оутс нравится больше, чем Шелли, а Олкотт — больше, чем Альенде*. Девушки, которые ничего не знают о крови и дыме, о черной магии.

И я войду в их группу, последний представитель ушедшей эпохи, старый механизм, который очень хочется убрать подальше.

Моя мать хотела, чтобы я перешла в Эксетер и закончила обучение там. Эксетер... Словно там мне было бы легче пережить это, чем здесь. Я особо не надеялась, что она поймет. «*Но ведь твои подруги ушли*», — сказала бы она.

Я не знала, как ей объяснить, что быть в одиночестве в Дэллоуэе лучше, чем где-либо еще. По крайней мере, здесь меня знают стены, полы, почва. Я выросла корнями в Дэллоуэй. Дэллоуэй — мой.

Бух.

Звук пугает меня настолько, что я роняю книгу и вскидываю глаза к потолку. Я ощущаю привкус железа во рту.

* Имеются в виду писательницы Джойс Кэрол Оутс, Мэри Шелли, Луиза Мэй Олкотт и Исабель Альенде.

Ничего. Это старое здание все глубже погружается в неустойчивый грунт.

Я достаю книгу и начинаю листать страницы в поисках места, на котором остановилась. Я никогда не боялась быть одна и не собираюсь начинать это делать сейчас.

Бух.

На сей раз я отчасти ожидаю этого, напряжение сковывает мою спину, свободная рука сжимается в кулак. Я откладываю книгу в сторону и выскальзываю из кресла, сердце неровно барабанит в груди. Декан Мариотт точно никого не впускала в здание, так ведь? Хотя... Это, наверное, техперсонал. Кто-то мог прийти убрать нафталиновые шарики или поменять воздушные фильтры.

Точно, так и есть. Семестр начнется в конце выходных; самое время для уборки. Вне всякого сомнения, в этот период в Годвине не избежать беготни персонала, отмывающего полы и распахивающего окна где только можно.

Вот только дом был вычищен до моего приезда.

Поднимаясь по лестнице, я чувствую, каким холодным стал воздух, и этот холод пробирает до мозга костей. Вязкий ужас леденит мою кровь. Я не строю предположений, я знаю, откуда исходит этот звук.

Комната Алекс была третьей справа на втором этаже — прямо под моей комнатой. Когда ее музыка была слишком громкой, я обычно топала по полу. Она же выстукивала ответ черенком метлы.

Стук, четыре слова: «*Заткнись. К. Чертовой. Матери*».

Это глупо. Это... смехотворно, нерационально, я знаю, но это не помогает мне преодолеть ощущение тошноты, зарождающееся где-то под ребрами.

Я стою перед закрытой дверью, упираясь в нее рукой.

Открыть ее. Я должна открыть ее.

Какое же холодное дерево. У меня шумит в ушах, и я никак не могу отделаться от образа Алекса по ту сторону двери: истлевшая, седая, тусклые глаза пристально смотрят из иссохшего черепа.

Открой ее.

Но я не могу.

Я поворачиваюсь на каблуках и мчусь обратно по коридору до самой комнаты отдыха. Подтаскиваю кресло ближе к высокому окну и сворачиваюсь калачиком на подушке, вцепившись руками в книгу Сэйерс и уставившись на вход, откуда пришла, в ожидании плывущей со стороны лестницы тонкой фигуры, покрытой сумраком, словно плащом.

Ничего не происходит. Ну, все правильно. Просто...

Это паранойя. Это тот же самый страх, что заставляет меня просыпаться среди ночи с саднящим от крика горлом. Это чувство вины, проникающее в тело моего разума и выпускающее его внутренности наружу.

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я снова могу открыть книгу и переключить свое внимание с двери на текст. Без сомнения, чтение книг про убийства в одиночестве в старом доме — это половина моей проблемы. Невозможно не вздрагивать при каждом скрипе и ударе, когда ты с головой погрузилась в историю, в которой много преступлений, *совершенных в библиотеке.*

День перетекает в вечер. Мне бы нужно зажечь больше ламп и долить чаю в кухне, но я заканчиваю книгу.

И только я переворачиваю последнюю страницу, как снова: *бух.*

А потом, почти одновременно с ударом, над моей головой по полу медленно начинают тащить что-то тяжелое.

На этот раз я действую без колебаний.

Я поднимаюсь на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки, и, пройдя полпути по коридору, осознаю, что дверь в комнату Алекс открыта. К горлу подступает тошнота. Нет. . . нет. . .

Но вот я останавливаюсь перед комнатой Алекс и понимаю, что дело не в привидении.

За письменным столом Алекс сидит девушка, стройная, черноволосая, с авторучкой в руке. Она одета в свободный клетчатый блейзер с серебряными запонками. Я вижу ее первый раз в жизни.

Она отрывается от своего письма — и наши взгляды встречаются. Ее глаза серые, цвета январского неба.

— Вы кто? — Слова вылетают из меня все разом, выходит резко и агрессивно. — Что вы здесь делаете?

Комната обитаема. Кровать заправлена. На подоконнике — растения. На комоде — стопка книг.

Эта девушка не Алекс, но она в комнате Алекс. Она — в комнате Алекс и смотрит на меня так, словно я пришла с улицы, вся заляпанная помоями.

Она кладет ручку и говорит:

— Я живу здесь. — У нее низкий, тягучий голос.

Несколько секунд мы изучающе смотрим друг на друга, я ощущаю напряжение в груди. Девушка же спокойна и неподвижна, словно вода в пруду. Я в замешательстве. Я все жду, что она спросит: «Зачем вы здесь?» — вернет мне, незваной гостье, мой вопрос, — но она молчит.

Она ждет, когда я начну говорить. Формат для разговора найти проще простого: знакомство, непринужденная

ГЛАВА 1

светская беседа, вопросы из вежливости о месте жительства и интересах. Но, сжав зубы, я молчу.

Наконец, она поднимается с места, царапнув ножками стула по твердым доскам пола, и закрывает у меня перед носом дверь.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

